
2 кругозор 75

ГОЛОСА НАШЕЙ БИОГРАФИИ

УЧРЕЖДЕН РЕВОЛЮЦИЕЙ

Владимир ПАВЛОВ,
Герой Советского Союза

Начальник диверсионной службы нашего Чернигово-Волынского партизанского соединения старший лейтенант Алексей Егоров приказал мне сесть и некоторое время молча в упор разглядывал, словно впервые меня видел.

В штабной землянке, кроме нас двоих, никого. Снаружи доносился шум дождя. С моей плащ-палатки на пол натекла лужа. Просачиваясь сквозь щели, тихо позванивали капли — место в лесу, где расположился наш лагерь, сырое, в землянке, под полом, стояла вода.

Молчание затягивалось, и смутное беспокойство охватывало меня. Уж кто-кто, я-то знал: столь долгое и многозначительное молчание Егорова предвещает нечто очень важное.

Но что? Приказ на очередное задание? Вряд ли. Моя диверсионная группа только вернулась с железной дороги. Взорван вражеский поезд. Приняли бой с охраной да еще на обратном пути наткнулись на засаду. Словом, у нас были все основания сутки-другие отдохнуть в лагере.

Но если не задание, тогда что же?

— Володя! — торжественно произнес старший лейтенант, называя меня на «ты» и по имени, как всегда, когда бывал в хорошем настроении.— Генерал Федоров велел передать, что Волынский подпольный обком партии и командование соединения представляют тебя к высокой награде — ордену Красного Знамени! Поздравляю!

Орден Красного Знамени! Думал ли я, что эта награда Революции когда-нибудь украсит и мою грудь?!

▼ Продолжение на стр. 4.

НАМ СТРОИТЬ И ЖИТЬ

Я рад, что не ошибся, еще в те годы оценив этот большой, яркий талант.
Дмитрий Шостакович

Есть имена, которые в равной степени принадлежат прошлому и настоящему. Дунаевский — одно из них. Его песни и сегодня звучат по радио, в телевизионных программах, записываются на пластинки в новом исполнении. И одновременно его творчество — это история становления и развития советской песни.

С чего начинался Дунаевский? На этот вопрос многие, не задумываясь, ответят: «Конечно, с «Веселых ребят». Это правда, но, как говорится, не вся. Народный артист СССР Леонид Утесов хорошо знал композитора задолго до его триумфа в знаменитой кинокомедии.

Л. Утесов. С Исааком Осиповичем Дунаевским я познакомился более 50 лет назад — в сезон 1923/24 года. Меня пригласили выступать в одной из программ московского эстрадного театра «Эрмитаж», куда Дунаевский как раз в эту пору был назначен музыкальным руководителем. Я исполнял юмористические рассказы, шуточные куплеты, а иногда появлялся перед зрителями в качестве руководителя пародийного хора. Композитор аккомпанировал мне и хору и, помнится, помог переложить для хорового исполнения несколько популярных романсов.

— На многих граммофонных записях, которые появились вскоре после создания вашего «Теаджаза», не указаны авторы произведений. Есть лишь скромное обозначение — «обработка Дунаевского». Чем это объяснить?

Л. Утесов. Конечно, прежде всего скромностью композитора. Первые большие гастроли «Театрализованного джаза» состоялись в 1929 году на сцене Ленинградского мюзик-холла, оркестром которого Дунаевский тогда руководил. Он был так увлечен джазом, что с радостью принял приглашение работать над нашей следующей программой.

Мы решили обратиться к новому музыкальному материалу — народной песне и поэтому назвали свою вторую программу достаточно сурово: «Джаз

ПЕСНЯ ЖИТЬ ПОМОГАЕТ

на повороте». Дунаевский написал для нее «Советскую рапсодию» и прощальную песенку «Счастливый путь». Впоследствии, вспоминая годы, отданные джазу, он не раз говорил, смеясь: «Это была высшая школа верховой езды!»

— И все же как осуществился переход композитора от джазовых композиций к музыке для кино?

Л. Утесов. Вы не совсем точны. Первый его успех в кино связан именно с джазом. Не забудьте, «Веселые ребята» имели подзаголовок: «Джаз-комедия». Но именно в этом фильме ярко проявилось песенное начало Дунаевского, что и было оценено: на II Международном кинофестивале в Венеции фильм «Веселые ребята» получил премию не только за режиссуру, но и за музыку.

Чуткий художник, Дунаевский жадно впитывал в себя людей и окружающую действительность. Он называл себя «губкой» для чувств и помыслов нового, особенно юного советского человека, «формирующегося иначе, на другой закваске, чем формировались мы, люди среднего поколения». Для него он и писал, будь то музыка к фильмам, или оперетты, или песни.

Наше сотрудничество с Дунаевским продолжалось, по существу, всю жизнь. Он пишет музыку к нашему спектаклю «Темное пятно», приносит еще до выхода на экран фильма «Три товарища» замечательную «Каховку». В конце тридцатых годов сочиняет большую оркестровую фантазию, которой мы открывали программу «Песни моей Родины». В послевоенные годы в нашем оркестре прозвучали его «Дорогие москвичи», «Песня верной любви» и другие.

И, наконец, назову написанную незадолго до смерти великолепную песню «Запевала», в тексте которой есть слова, которые я хотел бы отнести в первую очередь к Дунаевскому: «Я песне отдал все сполна».

Беседу вел Глеб СКОРОХОДОВ.

МАСТЕРА СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

На звуковой странице песни «Запевала» (запись 1974 г.), «Дорогие мои москвичи» и «Счастливый путь».

8

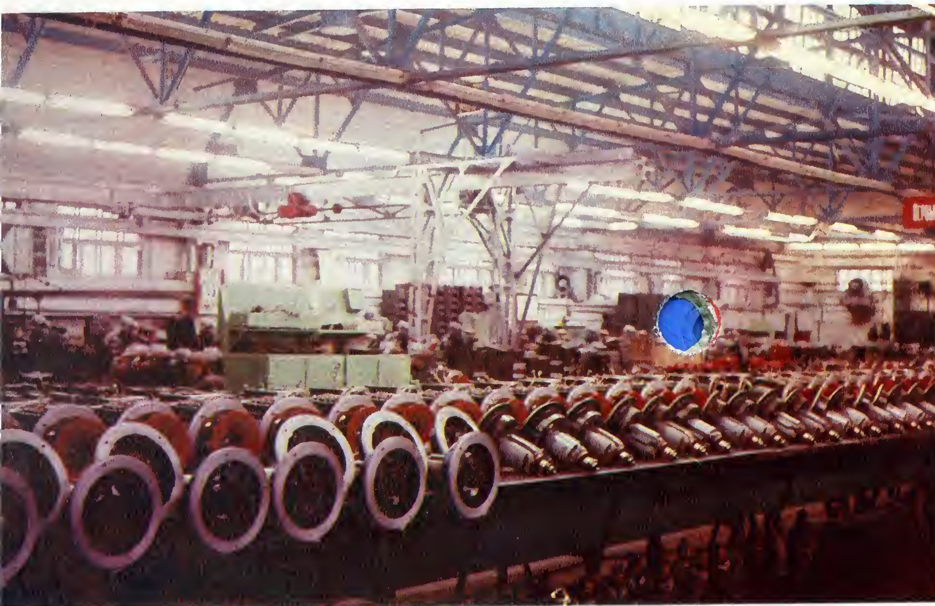

И. Дунаевский (справа) с Д. Шостаковичем и Л. Утесовым. 1930 г.

В конце минувшего лета ильичевцы поздравляли бригаду с заслуженными наградами. Владимиру Овчинникову вручили орден Октябрьской Революции, Нилу Дубкову — Трудового Красного Знамени; трое — Михаил Кисин, Валерий Поляков, Владимир Сошников — первыми в стране удостоены ордена Трудовой Славы... Строка Указа точна и немногословна: «За досрочное выполнение заданий девятой пятилетки и социалистических обязательств по росту производительности труда...»

Что же стоит за ней, за этой строкой? Бригада Овчинникова собирает генераторы. Вместо 1550 по норме каждую смену на сотню больше. Уже в марте прошлого года слесари-сборщики превзошли рубеж производительности труда, намеченный на конец пятилетки. Приняли новый план, встречный... Словом, за пять лет они собираются выполнить две пятилетние нормы.

ДВЕ ПЯТИЛЕТКИ ИЛЬИЧЕВЦЕВ

ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ — ЯЧЕЙКА ОБЩЕСТВА

...Оркестр порой взрывался радостью и ликованием. Не останавливая работы, Сошников слушал эту музыку внутри себя и с чувством, похожим на растроганность, посматривал на остальных четверых, которые заставили звучать в нем мелодию. В первый раз этот внутренний оркестр, может, и удивил, но потом звучал все чаще и чаще, помогая работать.

Когда-то он хотел стать художником. Два года проучился в промышленно-художественном училище. Жизнь распорядилась по-другому. Внезапно умер отец. «Учись дальше, я пойду работать»,— говорила мать. «Но я был в ту пору уже достаточно взрослым, чтобы моя гордость позволила мне не работать»,— вспоминает Владимир. Можно было бы впоследствии попробовать вернуться к живописи, но любое серьезное дело не терпит половинок, считает он, либо — либо. Кисти и краски хранятся. Он достает их иногда и уходит на природу.

...Кажется, разозлить Михаила Кисина невозможно. На вопрос: «Встречались ли люди, которых ты ненавидел?» — отвечает: «Нет, не знаю таких». Он добр всей своей чуть полноватой фигурой, круглым лицом, мягкими волнами белокурых волос, глазами. Возможно, этой добротой и объясняется его искусность в деле, которое выбрал: она не позволяет ему работать плохо, чтобы не сделать плохо людям, которым доведется пользоваться плодами творения его рук.

...Валерий стоял перед замполитом полка навытяжку и не мог до конца понять его гнева. Потому что за сердитыми словами угадывал нотки сомнения. Справедлива строгость воинского

«Слаженность — бригадная черта». На второй звуковой странице говорят председатель завкома профсоюза завода имени Владимира Ильича Е. Макаров и члены бригады (на снимках слева направо): В. Овчинников, Н. Дубков, В. Сошников, М. Кисин, В. Поляков

устава! Валерий Поляков нарушил его, когда вместо уставной рисовой каши, заправленной мясом, из тех же самых продуктов сделал плов. Пусть и времени затратил больше, пусть получил нагоняй, но разве удовольствие и благодарность его армейских товарищей не стоили этих неприятностей? Замполит сумел разглядеть в поступке повара неравнодушие и в нарушение устава извинился перед рядовым за резкость. Неравнодушие!

...Нил Дубков — коренастый, приземистый, основательный, как и полагается русскому крестьянину. Острым взглядом, стреляющим смешинками, он сразу оценивает собеседника и тут же настраивается на нужный разговор. Нила называют «мозгом» их пятерки. Он улыбается на это и говорит: «Чего там! Так, придумываем по мелочи». Но после таких «мелочей» бригада в два-три раза все делает быстрей.

А Нил думает о своей родной калужской деревне. Снится ли она ему по ночам? Неизвестно. Но сразу теплеет голос, когда вспоминает родные березовые края. Может быть, трудности военных лет, которых и он сам и его односельчане хлебнули вдосталь, заставляют его думать, как сделать труд легче и радостней? Или хранит он где-то в глубине души извечное беспокойство русского умельца? Нил Дубков и сам не знает этого, он придумывает и придумывает себе «по мелочи».

...Было это года два назад. Овчинникову в глаз попал кусочек лака. В горячке не обратил внимания. А через день уже не мог работать: глаз слезился, веко набухло. В поликлинике счистили полурастворившийся кусочек, выписали больничный лист. Сначала было покорился, тем более когда по дороге домой почувствовал горячую боль. Наутро боль прошла, и: «Все, иду на работу!» Не помогли никакие увещевания. Обещал, что будет очень осторожен, и сразу же забыл — захлестнула, увлекла работа.

Все четверо говорят про него очень тепло, почти одинаковыми словами, а Дубков утверждает, что Владимир Овчинников — лучший из них...

Они уже тринадцатый год вместе, эти пятеро. Во время работы им не нужны слова. Они, как слаженный оркестр под руководством талантливого дирижера, настолько в совершенстве владеют своими инструментами и техникой, что могут порой вчетвером работать за пятерых. Пятый в это время помогает соседям, если у тех что-то не ладится. Они вряд ли согласятся, но кажется, что для них важна гармония не только в каждом из них, не только между собой, но и рядом, вокруг.

Владимир ВЫСОКОВ

Фото А. Рудакова

До войны ордена были редкостью. Человек, которому вручили его, почитался личностью необыкновенной, почти сверхъестественной. Появление такого человека в общественном месте воспринималось как сенсация. Все взоры немедленно устремлялись к нему. Самые знаменитые певцы и кинозвезды отодвигались на второй план. Да что там! Вы и сами становились знаменитостью, если даже среди ваших знакомых оказывался орденоносец!

Но все-таки и тогда орден Красного Знамени выделялся среди других наград. Особенно для нас, молодых. Не только потому, что это был первый орден, учрежденный Советской Республикой при жизни Владимира Ильича Ленина—16 сентября 1918 года. Строгий и в то же время яркий знак ордена дышал романтикой революционных битв. Чтобы получить его, надо было совершить выдающийся подвиг. Недаром за всю героическую эпопею гражданской войны орденом Красного Знамени было награждено менее пятнадцати тысяч человек, в том числе такие легендарные герои, как В. Блюхер, С. Буденный, К. Ворошилов, Г. Котовский, А. Пархоменко, Я. Фабрициус, М. Фрунзе, В. Чапаев.

Орден украсил знамена Петрограда, Грозного, Луганска, Царицына, Ташкента, им награждены рабочие Челябинских угольных копей, ныне города Копейска, и Главных Ростовских железнодорожных мастерских...

Помню, в нашей московской 189-й средней школе осенью тридцать седьмого (я учился в девятом классе) появился новый преподаватель истории. Звали его Исай Павлович Шмидт. Огромного роста, в плечах косая сажень. Но самое главное—у него на груди алел орден Красного Знамени. Он не рассказывал нам, за что был награжден. Считал, на уроках надо заниматься делом, не разговорами. Но все-таки

Рядовой Всеволод Васильевич Блюхер награжден орденом Красного Знамени за мужество и отвагу, проявленные в годы Великой Отечественной войны.

Маршал Советского Союза Василий Константинович Блюхер. В октябре 1918 года Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов вручил ему орден Красного Знамени № 1.

Революционная песня «Красное знамя», фрагменты записей, сделанных на митингах в Свердловске и Ворошиловграде, рассказ Всеволода Блюхера, сына маршала,— эти фонодокументы истории ордена Красного Знамени — на первой звуковой странице

в конце концов мы узнали, что он был комиссаром одного из полков в легендарной кавбригаде Котовского, бился с Деникиным, с интервентами, с Петлюрой, с бандами Махно. А после гражданской войны был комиссаром первого дальнего перелета советских летчиков из Москвы в Пекин.

Надо ли говорить, что на уроках Исая Павловича царила благоговейная тишина, что каждое его слово, обращенное к кому-либо из нас, расценивалось как награда, а упрек переживался куда как тяжелее, чем «неуд» в дневнике...

И вот теперь меня представили к награде, которую носили такие люди.

Нет, в то время, в глубоком вражеском тылу, отрезанный от Большой Земли, от Москвы, от родного дома бесчисленными военными километрами, я хотел, но просто не мог поверить в это!

Видимо, старший лейтенант Егоров уловил некоторую неуверенность в моем голосе, когда я поблагодарил за высокую честь, оказанную мне.

— Не надеешься?—улыбнулся он.— А ведь так и будет. Получишь—вспомни мои слова...

Прошли годы. В дни больших революционных и военных праздников я достаю из заветной шкатулки боевые ордена. Прежде чем надеть их, некоторое время рассматриваю. Орден Красного Знамени соседствует с орденом Ленина. Облик вождя революции словно бы осеняет боевой красный стяг.

Молча надеваю я ордена. В этот момент наши суровые партизанские леса, землянки, костры, лица боевых товарищей—живых и мертвых—восходят в моей памяти. Я думаю о том, что нет большего счастья, чем быть причисленным к когорте бойцов, с оружием в руках отстаивавших великое дело ленинской партии.

И сын мой, который стоит рядом, понимает и разделяет мои мысли.

ГРИБОЕДОВ – КОМПОЗИТОР

Очень вас прошу — поместите, пожалуйста, в «Кругозоре» вальсы Грибоедова и немного расскажите о нем. Людмила Шивидова. Село Троицкое, Калмыцкая АССР.

В Москве много памятников. Людей, с которыми город не захотел расстаться, превратив их в камень и металл, мы встретим и на огромных, шуршащих шинами площадях и в тихих институтских двориках.

Грибоедов поставлен в начале Чистопрудного бульвара, у станции метро, носящей имя Кирова, возле площади, названной Тургеневской.

Почему здесь? Грибоедов родился вдалеке от этих мест, на Новинском бульваре (теперь улица Чайковского), но совсем рядом, в нынешнем доме № 42 по улице Кирова, он бывал и некоторое время даже жил, поэтому один из переулков, выходящих на улицу Кирова, и назван улицей Грибоедова. На ней находится Дворец бракосочетаний, как бы в утешение Чацкому, не сумевшему добиться руки любимой женщины.

Всякий раз, выходя из станции метро «Кировская», я поднимаю глаза, чтобы посмотреть на каменного Грибоедова. Он стоит, чуть склонив голову, в задумчиво-иронической позе. Днем памятник окружает общество московских ребятишек, гуляющих в воскресные дни на бульваре с папами и мамами. Ребятишки рассматривают барельефы на постаменте памятника — до самого Грибоедова им не доглядеться.

На барельефах — Чацкий, в накинутой на плечи (или спадающей с плеч) шубе, Скалозуб — на нем шинель и тоже внакидку, да и сама величественная фигура Грибоедова тоже одета в небрежно накинутый на плечи плащ. В его каменных складках есть что-то генеральское, что-то от знаменитого ермоловского портрета Доу — там верхнее одеяние тоже изображено внакидку. Когда первый московский снегопад украшает плечи памятника белыми эполетами, сходство еще более усиливается — Грибоедов смотрится совсем генералом.

Может быть, это справедливо. В последний год его жизни, когда именовался он «полномочным министром российского императорского двора», обращаться к нему надо было «ваше превосходительство». Но дело и не в этом. В начале Чистопрудного бульвара поставлен памятник человеку, которого по праву можно назвать одним из фельдмаршалов российской словесности и которого даже современники, еще в середине двадцатых годов прошлого века, наряду с другим Александром Сергеевичем таким и считали.

Грибоедов прочно связан в нашем сознании с гениальным «Горе от ума». Но он был не только одним из величайших русских драматургов.

Он должен был стать ученым. Закончив Московский университет по словесному и юридическому отделению, он продолжал учиться на физико-математическом. Он хотел стать ученым. Он сам писал, что «готов был к испытанию для поступления в чин доктора, как получено было известие о вторжении неприятеля в пределы отечества моего».

Он стал военным. Вступил добровольцем в кавалерийский полк. Первая печатная работа Грибоедова называлась «О кавалерийских резервах» — в 1814 году она появилась в «Вестнике Европы». Корнету Грибоедову не было тогда и двадцати лет.

Он переводил французских поэтов и драматургов, писал в соавторстве водевили. Но он же впоследствии, верный пробужденному еще в университете интересу к экономике, собирал на Кавказе и в Персии и объяснял статистические данные.

Он был выдающимся дипломатом и исполнял ответственнейшие поручения.

И он был светским человеком. Настолько блестящим, что принял участие в одной из самых шумных историй «светского» Петербурга, начавшейся как легкий водевиль и превратившейся в мрачную трагедию, — знаменитой «квадратной» дуэли Шереметева и Завадовского. Квадратной потому, что четыре стороны участвовали в ней, стреляться должны были не только дуэлянты, но и их секунданты — Грибоедов и Якубович. Юный Вася Шереметев был убит, и дуэль Грибоедова с Якубовичем пришлось отложить. Состоялась она только через два года. Грибоедов был ранен в кисть руки. По утверждению многих, эта рана была нанесена Якубовичем преднамеренно, чтобы лишить Грибоедова возможности заниматься любимым искусством.

Потому что любимым искусством писателя, дипломата, смелого, блестящего человека Александра Сергеевича Грибоедова была музыка. Ибо он был даровитым пианистом. «Он был очень хороший музыкант», — написал о Грибоедове Глинка...

Евг. ХРАМОВ

Дебора ВААРАНДИ, народный поэт Эстонии

САД

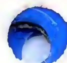
Утром вхожу я в сад
и замечаю с тревогой
бледную тлю на розах.
Она такая невинная с виду.
А я большая и страшная.
Свою божественную пясть
я вдавливаю в лопух
и сминаю его,
как носовой платок.
Он чем-то забытым пахнет.
Совестно мне оттого,
что одуванчики—
светлые шарики счастья—
на меня так доверчиво смотрят.
Вот крапива, та молодцом—
всегда начеку!
Гримаса мне сводит лицо,
я растерянно тру о передник
обожженные пальцы.
Ох, крапива-крапивушка,
знаю, что волдыри
для тебя не высшая цель...
Как не понять...
Сад сердечен со мной.
Щебеночная дорожка
собрала для меня
первых лучей тепло.
Сирень хотела б накрыть
меня лиловою тенью,
но еще не соткала ее.
Печалится липа,
оттого что и в этом году,
вероятно, не сможет
зацвести, как прежде цвела,—
все еще не затянулись раны
военного времени,
житья не дают эти осколки и гайки,
засевшие в белом стволе;
да и стара уже,
и лето опять засушливое,
и ветра небывалые;
благодарить надо небо,
что держится в теле душа.
Ты не печалься, старая, говорю.
Тебе и не для чего цвести.
Все равно разлетелись пчелы,
а с меня же, право, довольно
и качания веток твоих.
Они шевелятся, движутся,
они колеблются в сумерках,
мечутся в ветреный час.
И качаться не перестанут,
когда я уйду за ограду.

ГРУСТНАЯ ПЕСЕНКА

Подпирают дерева-плакуши
неподвижно виснущие тучи.
Свет из неба выщежен до капли.
Море тоже наподобье пакли.
Кто тут ходит и чего он ищет?
Тут одно сплошное пепелище.
Далеко умчался парус алый,
кинулся вдогонку ветер шалый,
сразу же серебряный прибой
повернулся к берегу спиной.
Потускнели радужные зори,
и осталось брошенное взморье
в неживой дремучей тишине
с вечером своим наедине.
Лишь рыдающие где-то птицы
преданно мечтают возвратиться.

КРИК ГАЛОК

Та же ратуша у рынка,
ветер, голые деревья.
Жребий мой?
Да вот же весь он—

месяц март и гвалт галчиный,
гомонящие деревья.
Вот он, этот рынок старый,
этой стаи резкий стрекот,—
ох, как хорошо, как славно!
Сквозь глаза летит все это,
словно хаос первозданный
до разрыва тьмы и света
в прежней цельности туманной.
Я же—
искра или даже
лоскуточек сажи
в этом
прежнем, целостном пейзаже
все еще порхаю...
Длись же,
изначальное мгновенье:
март, и ратуша у рынка,
и шумящие деревья!
Ах, не длится, нет, не длится,—
цепи волоча на спицах,
катит воз подобно грому
по земле, по дну морскому
время...

Перевел с эстонского
Л. МИЛЬ

Михаил ТАЛЬ,
экс-чемпион мира

НИЧЬЕЙ

На протяжении двух десятилетий до последнего матча на первенство мира заголовки статей, обозрений и даже книг о решающих шахматных баталиях носили в какой-то степени отвлеченный характер. Ботвинник или Смыслов? Таль или Ботвинник? Петросян или Спасский? Конечно, у каждого из них были свои поклонники, но в конце концов спор за шахматную корону шел исключительно между советскими шахматистами.

Правда, в то еще безоблачное для нас время мне, как, вероятно, и моим коллегам-гроссмейстерам, частенько задавали вопрос: «Правда ли, что в Америке появился мальчуган, неплохо играющий в шахматы?» Мы отвечали менторски благодушно до тех пор, пока мальчик не стал в шахматах мужем...

И вот сейчас, после полугодовой матчевой борьбы, определился соперник Фишера. Им стал самый молодой шахматист среди претендентов—ленинградский студент Анатолий Карпов.

Право бросить перчатку чемпиону мира Карпов доказал талантливой игрой, не оставляющей никаких сомнений. Для этого ему нужно было выиграть в ленинградском межзональном турнире, одолеть с сухим счетом 3:0 победителя другого межзонального турнира Льва Полугаевского, буквально разгромить экс-чемпиона мира Бориса Спасского и, наконец, первым финишировать в изнурительном марафоне с Виктором Корчным.

70 дней борьбы, 1 130 ходов на шахматной доске... Для Карпова этот матч был суровым экзаменом на зрелость, мужество. Правда, не на все вопросы он смог дать безукоризненные ответы (хотя вряд ли именно это помешало его сопернику с надлежащим достоинством перенести поражение), но бросить камень в 23-летнего шахматиста могут, пожалуй, лишь те, кто сам никогда не садился за доску. Знаю по себе: провести длитель-

ное соревнование—будь то матч или турнир—на абсолютно одинаковом уровне невозможно. И порой во время игры приходят мысли совершенно удивительные.

Никогда не забуду, например, как во время одной из партий на чемпионате СССР я вполне добросовестно пытался просчитать варианты, связанные с жертвой коня. Но их оказалось такое множество, что передо мной предстало совершенно хаотичное нагромождение ходов, и трансформировались мои мысли в двустишие Корнея Чуковского:

Ох, нелегкая эта работа—
Из болота тащить бегемота.

И тут я перестал думать о шахматах. Зрители были убеждены, что я основательно изучаю позицию на доске, а на самом деле я вопреки своему гуманитарному образованию пытался решить в уме чисто техническую задачу. Мысленно я стащил к болоту домкраты, вертолеты и почему-то даже веревочную лестницу. Но я так и оставил бегемота в беде. Как неожиданно «пришел» он на доску, так неожиданно и пропал. Я интуитивно пожертвовал коня... и комбинация принесла победу! Наутро я с удовольствием прочел в газете, что «во время длительного обдумывания Таль тщательно взвесил все последствия жертвы...»

Все это я рассказал лишь для того, чтобы показать одну из сторон, составляющих работу гроссмейстера за шахматной доской. И никакая кибернетическая машина не в силах предсказать, насколько отточенными окажутся все грани таланта Анатолия Карпова к моменту матча на первенство мира. Мне ясно одно: Карпов набирает силу и еще весьма далек от своего потолка. А зная его характер, нетрудно предсказать: с Фишером будет играть не вчерашний и не сегодняшний, блистательно победивший Полугаевского, Спасского и Корчного, а новый, неизвестный нам Карпов.

НЕ БУДЕТ СПОРТИВНАЯ ДОБЛЕСТЬ

Звуковую страницу подготовил мастер спорта Я. Дамский

Фото Д. Донского (АПН)

ТАМ, ГДЕ ГОРЕЛА ЗЕМЛЯ

Самолет заложил глубокий вираж вправо, и под крылом возникли зеркало залива и освещенный полуденным солнцем город. Все было хорошо знакомо. На горизонте, у Камыш-Буруна,— величественные свечи труб железорудного комбината, внизу—порт с ослепительно белыми кораблями, искоркой сверкнул Вечный огонь на вершине Митридата.

Справа вставали цеха завода имени Войкова. Белые дома, белые корабли. И уже перед самой посадкой боковым зрением увидел я половину кирпичной трубы. Рядом с тем местом, где когда-то раньше были руины.

Я хорошо помнил эту полуразрушенную трубу. Ее знает каждый, кто летал над Керчью в военном небе: обломок трубы был хорошим ориентиром...

Сколько было их, деревень и городов, кровью вписанных в солдатские биографии! Но спросите любого фронтовика, из сотни населенных пунктов он наверняка назовет вам место, исполненное для него особого смысла: «там принял первый бой», «там был ранен», «там похоронил друга»—и потому ставшее навсегда близким.

...9 декабря 1943 года остатки эльтигенского десанта, прорвавшие жестокую блокаду фашистов, вышли к горе Митридат и вели неравный бой. Боеприпасы, захваченные у гитлеровцев при штурме горы, были на исходе. Эльтигенцы по радио попросили подавить танки у подножия горы.

Четверка наших штурмовиков сорвалась с аэродрома под Таманью и понеслась через пролив в сторону Керчи. Облака не позволяли подняться выше семидесяти метров. Вот наконец и знакомые очертания мыса, чуть дальше, в разрывах тумана, древняя церквушка, рядом с ней—наша цель: танки и орудия, обстреливающие Митридат.

Несколько удачных заходов, и огневые точки фашистов замолкли. ИЛы с ревом проносились над разбитым городом. Небольшая высота, на которой шли штурмовики, затрудняла противнику прицельную стрельбу по самолетам. Для нас в этом свой риск...

Уже расстрелян весь боекомплект. Штурмовики готовы к любым неожиданностям. И все же я не сразу понял, в чем

дело. Словно горячая комета блеснула у меня перед глазами. Машину резко бросило вверх, повело в сторону. В центроплане зияла огромная дыра. Нарушилось управление. И здесь появились «мессеры». К машине потянулись дымные строчки очередей. «Старшой, нас убивают!» — услышал я в шлемофоне голос стрелка Валентина Уманца. Заваливаясь на правую плоскость, штурмовик несся в сторону Еникале. Из пробоины в баке хлестал бензин. Можно было рискнуть и воспользоваться парашютом. Но эта мысль сразу же была отброшена: за спиной раненый стрелок.

Лихорадочно выискивал я хотя бы маленькую площадку для посадки. Увидел ее у берега, рядом с поселком Жуковка. И когда, казалось, спасение было уже рядом, самолет вспыхнул. Последнее, что запомнилось,— моряки, тяжелыми бушлатами сбивающие с меня пламя...

Немало моих боевых товарищей лежит в керченской земле. В центре города — пятикрылый обелиск в честь воинов 230-й Кубанской штурмовой авиационной Краснознаменной ордена Суворова дивизии. Строится памятник героическим десантникам Эльтигена — людям, которые не были моими однополчанами, но в жестоких боях за эту землю стали мне братьями.

Почти всю войну Керчь была прифронтовым городом. Дважды — сорок пять дней в 1941 году и затем почти два года — с мая 42-го по апрель 44-го — ее оккупировали гитлеровцы. Но захватчики никогда не чувствовали себя хозяевами на этой земле. В лучах Золотой Звезды, которой отмечен подвиг Керчи, отблески огненного Эльтигена, Аджимушкая, Старого Карантина...

Я шел по городу, вспоминал погибших товарищей. Кем бы стали они после войны? Многим наверняка пришлись бы по душе традиционные профессии керчан.

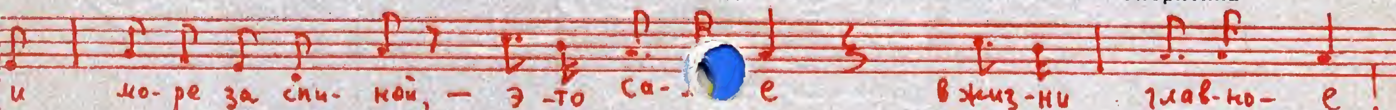
Город, добывший славу в нелегких боях, дорожит ею и сегодня. Сегодня слава Керчи в труде. Ее суда уходят от родных причалов на промысел в суровую Атлантику. Ее горняки поднимают из крымских недр железную руду. Ее лихтеры везут через Азовское море агломерат металлургам Жданова...

С волнением ступил я на палубу мощного рефрижератора «Герои Эльтигена». Он вернулся из нелегкого океанского рейса. Капитан-директор А. Воронков рассказывал о труде рыбаков, о выполнении заданий пятилетки.

На лацкане капитанского кителя светилась звездочка. Почти такая же, какой награжден город. Только у этой в перекрестье лучей были вписаны серп и молот.

Иван АРСЕНТЬЕВ-ЧЕРНЕЦ,
Герой Советского Союза,
писатель

Победное знамя над освобожденной Керчью (1944 год); участники героического десанта А. Меркулова-Чередниченко и Н. Беляков вновь на берегу Эльтигена; будущие моряки поднялись на Митридат почтить память героев (1974 год).
Фото В. Скорятина

Песенная премьера «Кругозора». Поет народный артист СССР Ю. Гуляев.

На третьей звуковой странице— рассказы защитников «Огненной земли» и новая песня В. Махлянкина и С. Гребенникова.

«МНЕ НУЖНА ВСЯ ВСЕЛЕННАЯ»

В ЧЕЛОВЕКЕ НЕ БЕЗ ЧУДА

4

Собрались смотреть на звезды. В маленькой комнатке Михеевых я ждал, пока за ширмой переоденется хозяин. Жена беззлобно, как это делают уже смирившиеся со всем жены, корила Алексея Алексеевича. И по хозяйству, мол, не помогает. Более того, превратил ее в маляра: заставил красить обсерваторию. Михеев и бровью не повел. Лишь на улице виновато развел руками...

Бывает неповторимый миг в Ростове: удивительный праздник света. Размываются, исчезают тени, темнеют морщинистые стволы акаций на притихших улочках. И дня уже нет, и вечер задержался где-то...

По крутой железной лестнице мы поднялись под купол. Алексей Алексеевич откатил полусферу, и перед нами открылось небо. В розово-пепельном полумраке справа, распадаясь на гирла, отсвечивал Дон, а прямо над крышами Нижне-Гниловской станицы, ставшей уже частью города, одна за другой зажигались тихие осенние звезды. Михеев покрутил штурвалы, прищурившись, нацелил искатель, и, упираясь колючими лучами в края зеркала, в телескопе вспыхнула холодная звезда.

Инженер по образованию, Михеев по призванию звездочет, астроном-любитель. Но где она, та грань между профессионалом и любителем?! И тому и другому в одинаковой мере необходимы терпение, упорство, небо в звездах и думающие глаза. Известно, что периодическое появление пятен на солнце, малые планеты Палладу, Весту, некоторые кометы и, наконец, далекий Уран открыли отнюдь не астрономы по профессии.

Свои открытия есть и у Михеева. Задолго до полетов

На четвертой звуковой странице — размышления А. Михеева о звездах и людях.

«Маринеров» увидел он на Марсе кратеры. Случилось это в последний день октября 1958 года в 23 часа 10 минут. Сосед-художник зарисовал марсианские кратеры. Михеев приложил к рисунку описание, отправил в Академию наук. Открытие много лет спустя подтвердилось. В ясную августовскую ночь 1969 года увидел спутник Юпитера, покрывающий диск планеты. И вдруг вокруг спутника вспыхнул голубоватый ореол. Атмосфера!

Открытия эти не сделали, как говорится, переворота в науке. Пусть даже они так и останутся открытиями для себя. Суть не в этом. Узнав Михеева, не перестаешь восхищаться твердостью его характера. В телескопе ни одной серийной детали. Все — от сложнейшего зеркального параболоида до мельчайшего винтика — любовно сделано руками Алексея Алексеевича.

Путь к звездам начался для него весной предвоенного года. Прогуливаясь по городу, молодой инженер-электрик Ростовской ТЭЦ увидел человека с линзовым телескопом. Один лишь раз он посмотрел в ту самодельную трубу...

И в холодном, разрушенном войной Ростове мечтал о звездах. Вернувшись домой, офицер-фронтовик Михеев засел за книги по астрономии. Задумал строить телескоп. Отыскал рецепт зеркальной бронзы. В глухой балке на окраине города соорудил печь. Купил кокс. Пригласил литейщика. Сделали 13 плавок — и все впустую. Отливка получалась пористой. Какое уж тут зеркало! Пришлось изучать литейное дело. Оказалось, секрет прост: остывание должно быть равномерным. Новая плавка. Недельное ожидание, пока отливка остынет.

Зеркало было уже готово, но при окончательной шлифовке он не рассчитал усилия, заготовка лопнула. Снова над балкой курился дымок. И все же от бронзы пришлось отказаться. Зеркальная поверхность окислялась, тускнела. Достал иллюминаторное стекло и вечерами в подвале с высочайшей точностью отшлифовал его...

После захода солнца Алексей Алексеевич выкатывал телескоп прямо на Театральную площадь. Показывал желающим планеты, звезды. Построил затем другой, более мощный прибор...

Выпросил у городских властей клочок земли для стройки. Помогли ему работники ТЭЦ, комсомольцы пединститута, мореходного училища, профтехучилищ. За несколько воскресников под присмотром опытного монтажника, пенсионера Е. М. Натарова, собрали башню обсерватории. Я пожалел, что ничего не знал о работе Алексея Алексеевича раньше, хотя много лет жил в этом городе, через несколько улиц от него...

Садились в троллейбус, и я засек время: от улочек старого Ростова, где живет Михеев, до обсерватории дорога заняла минут двадцать пять... И почти двадцать пять лет человеческой жизни... То, чем занимается Алексей Алексеевич, не увлечение. Здесь другое. Трудная любовь — к звездам, к людям. Поскольку строил он все это не для себя...

Валентин СКОРЯТИН
Фото автора

ГОСТИ МОСКВЫ

НА СТРУНАХ ПРОТЕСТА

Было время, когда народную песню почти не пели в Америке. Вернее, пели где-то на окраинах больших городов, в сельских районах, но там и здесь народная песня была, что называется, «не в моде». В середине XX века, когда с новой силой вспыхнула борьба негров за гражданские права, когда круто вверх пошел рост самосознания всего народа в США — то был конец эпохи маккартизма,— народная песня зазвучала и в американских городах. Все вдруг увидели, что песня, как ничто иное, дает возможность высказаться точно и ярко по поводу всего происходящего.

Именно в это время появились такие певцы, как Пит Сигер, Джоан Баэз, Большой Бил Брунзи, Гарри Белафонте.

Но, как это часто бывает в мире бизнеса, ситуацией быстро воспользовались люди, не имеющие никакого отношения к искусству. Фирмы грамзаписи выбросили на открывшийся рынок массу псевдонародной продукции. Перед баснословными гонорарами устояли не многие артисты, отказавшиеся профанировать народную песню. К ним относится Одетта.

С первого же дня своего появления на сцене она покорила слушателей прекрасным голосом, глубоким пониманием того, что поет, верностью хорошему вкусу. И ни разу за все эти годы — а Одетта поет уже больше пятнадцати лет — она не изменила своему стилю и инструменту — гитаре.

Родина Одетты — город Бирмингем в штате Алабама. Там она встретилась с музыкой, почувствовала дух народной песни. Позже она получила вокальное образование, стала солисткой. Сейчас Одетта и сама преподает в центре искусств — в Галвестоне, штат Техас. Университет города Шарлотт в Северной Каролине присвоил ей степень почетного доктора гуманитарных наук.

Эти строки могут создать впечатление благополучия в биографии Одетты. Но стоит послушать ее песнь, и становится ясно, что жизнь артистки, как и ее искусство, неотделима от жизни народа Америки со всеми его бедами и радостями. Одетта в основном поет песни негров-рабочих, в прошлом рабов, а потому в них ощутим элемент протеста. В них слышна и городская речь, которая характерна для блюзов.

Услышать песню Одетты — это значит услышать подлинно народную песню. Здесь нет ухищрений, нет ложной красивости, а есть искренность и есть откровение, без которых нет настоящего искусства.

Владимир ПОЗНЕР

Тимур ПУЛАТОВ

ОТ ВЕСНЫ ДО ОСЕНИ

Отрывок из повести

Рисунок В. Семенова

Мальчику удалось теперь освоиться и со своим двором, правда, тянулось это дольше, чем с комнатой, где он родился, и с люлькой, где он рос.

— Я — Душан! Меня зовут Душан! — кричал он, прохаживаясь по двору и прислушиваясь, как его имя, несомое собственным звуком, как телом, кружится над кустом олеандра, проникает всюду, где есть малейшая дыра или щель.

Но, кроме привычных и непривычных мест во дворе, были еще и места, не полностью им разгаданные, со своей маленькой тайной, такие, как олеандр и виноградник.

Он уже успел проследить всю длину времени, от весны до глубокой осени, когда тонкие лозы винограда отец закапывал в землю палисадника, а толстые и старые, которые нельзя было снять с навеса, закутывал бережно — сначала вокруг лозы слоем сухих листьев, сбитых с самого виноградника, затем слоем ваты, а потом уже сверху обматывал лентами войлока — Душан держал конец ленты, а брат прочищал садовой щеткой те лозы, которые еще не закутаны, снимал старую, висящую кору, чтобы не завелась там тля.

Всю зиму потом виноградник стоял обледенелый, и вместо гроздьев с него свисали сосульки. Воробьи стучали по ним клювиками и, простуженные, улетали. Но вот сосульки начинали укорачиваться, сбрасывая с себя капли, неделю они позванивали о мерзлую землю, временами умолкая, когда ненадолго возвращались холода, и опять удлинялись.

Но отец уже точил лопату и садовые ножницы, нетерпеливо пощелкивал ими возле своего уха, словно ножницы эти и должны были принести с собой тот далекий гул весны, долгожданный звук ее, от которого все сосульки разом падали с виноградника, оголяя его.

Тайной виноградника была его магическая власть над всеми, власть невидимая, неназванная, оттого и не разгаданная пока Душаном. Он только видел — стоило винограднику раздеться, сбросить со своих лоз прошлогодние листья и войлок, как все в доме, словно подражая ему, тоже снимали с себя зимние одежды, вдруг ставшие тяжелыми, пахнущими едой и пылью, и тоже одевались легко, во все белое и чистое, а зимнее быстро прятали в сундук и закрывали на замок, стараясь скорее забыть о нем как о чем-то неприятном и тягостном. И как все хмурились, ссорились, когда неожиданно на день или на два возвращалась опять зима, словно неприятный гость, который что-то забыл в доме; но такие дни, когда надо было снова доставать из сундука зимнюю одежду и надевать ее не аккуратно, на все пуговицы, а так, набрасывать себе на плечи, чтобы в любую минуту переодеться, были очень редки, дни, похожие на фокус с переодеванием. Как все были приветливы и милы, легко одетые, часами прохаживались под виноградником, наслаждаясь собственным крепким, помолодевшим телом, походкой, руками без перчаток и головой без шапки, и на голове от лучей солнца пошевеливались даже волосы.

Площадка под виноградником была узка, и эти прогулки поодиночке были похожи на танец, на лесть винограднику, с которым, как и со двором, надо было вступить в тайный сговор, а весна была в роли судьи и следила, не нарушается ли договор. В случае уловки или хитрости, замеченной в ком-то, в человеке или винограднике, весна тут же посылает, как наказание, холод, чтобы нарушить все до нового соглашения.

А виноградник тем временем уже сбрасывал с себя зимнюю кору — с легким треском снимались с лозы длинные ленты, как кожа при линьке, и стелились они по земле, по плитам двора, путаясь под ногами.

Обнаженная лоза, подставляя яркому солнцу свое зеленое, гладкое тело с тонкой новой кожицей, набиралась соков, и сок этот потом, напоив ветки, выступал на концах и застывал, превращаясь в белые, с пушинками, почки.

Воробьи набрасывались на них с жадностью, пытаясь разорвать клювами, но, утомившись, довольствовались тем, что просто держали их в клювах, будто были почки сладкими, душистыми и насыщали, а потом, так и оставив нетронутыми, улетали прочь. Пока зрели эти твердые почки, виноградник не ждал, а распускал свои усики, и они хлестали воробьев по ногам. Вначале ровные и висячие, усики толстели и скручивались колечками, чтобы потом выпрямиться снова, когда превратятся они в гроздья с ягодами.

Ягод приходилось ждать долго, и всех мучал соблазн сорвать и пожевать эти усики, и каждый, тайком от другого, срывал все же усик и наслаждался кисловатым, но таким земным, съедобным его соком — первым соком весны. Может, от этого сока все и становились немного суетливыми, ходили быстро, с красными щеками и живым блеском в глазах — легкое головокружение и хмель. Даже бабушка, штопая что-то, вдруг запевала любовную песню, а отец, проходя мимо, усмехался, как бы уличая ее в том, что и она не удержалась и пожевала тайком усики.

Какой-то старик часто наведывался в эти дни в дом, просовывал голову в ворота и покашливал, робко так стучал пальцами по двери, чтобы привлечь внимание бабушки, и та, глянув на себя в зеркало и поправив платок, выходила во

двор, и Душан не знал, о чем они там говорят, кажется, ни о чем, просто старик, поглаживая коротко стриженную бородку, вздыхал, глядя на виноградник, словно осуждал за то, что тайной своей властью тот заставил его прийти сюда, в гости к бабушке. Бабушка, кажется, нисколько не злилась на старика за молчание и, горделиво глядя куда-то сквозь гостя, медленно перебирала четки—белую бусинку к черной...

Так они могли сидеть очень долго. Кто этот старик? Не тот ли, кто после смерти дедушки приходил к бабушке, желая взять ее к себе для долгой будущей жизни, и кому бабушка отказала? Но вот возвращался отец с работы, старик смущенно вскакивал, извинялся и, сорвав усик, уходил, пожевывая...

Это длилось до тех пор, пока из усиков не рождались гроздья с маленькими зелеными ягодками, а лозы не покрывались крупными, толстыми листьями с пятью концами—тремя острыми и двумя, по бокам стебелька, округлыми,—тогда все снова менялось, взрослые становились раздражительными, неразговорчивыми, и тот старик уже не приходил к бабушке, зная наверняка, что она теперь прогонит его. Это долгое время, когда днем занавешивают окна шторами и выходят во двор лишь вечером, да и здесь, не найдя прохладу, молчат, изнывая от духоты, и ни олеандр, ни виноградник уже не приносят успокоения. Видно, это то время, когда начинается новый сговор с виноградником, тягостный и обременительный. Уже и легкая одежда не приносит наслаждения, скорее удручает своей ненужностью, и как ждет тогда брат утра, чтобы побежать куда-то к речке, сбросить поскорее одежду и насладить тело водой...

Отец ходит под виноградником и оглядывает гроздья, ибо, чем быстрее зреют ягоды, тем скорее желтеют листья—теперь виноградник может готовиться к долгой зимней спячке, листья ему не нужны, и он сбрасывает их один за другим во двор.

Первыми вкус спелой ягоды чувствуют те самые воробьи, что были обмануты некогда сосульками на винограднике, потом его твердыми почками и усиками,—сейчас они дают волю своей затаенной обиде, ибо знают, что виноградник обленился к осени, тянет его к покою и сну, не будет он их отгонять.

И снова это настроение виноградника передается всем в доме, никто особенно и не торопится сорвать ягоды, все медлят, отец нехотя ставит лестницу, чтобы, поднявшись, срезать несколько крупных гроздьев. Их кладут не в тарелки, а на листья виноградника, сотворяют круг—ягодка к ягодке,—и все разглядывают этот натюрморт... Уже, кажется, ни у кого и сил не осталось восторгаться вкусом иссиня-черных ягод, и только бабушка, скорее из приличия, чтобы сделать приятное винограднику за его долгую работу, говорит:

— Виногра-ад...

г. Ташкент

ПОЕТ „РОССИЯНКА"

9

На фото Д. Лазарева — коллектив «Россиянка» и «мастерская музыки» А. М. Уварова.

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

На сцене двадцать девушек, одетых в русские сарафаны, и все поют, играют на различных инструментах, еще и пляшут, да так, что слушателю трудно усидеть на месте, ноги сами подтанцовывают. Вот они перед вами — «развеселые Аленки, черноглазые Любаши, чернобровые Наташи, Маруси, Веры, Шуры — маляры, и штукатуры, и шоферы первый класс», как поют они о себе и о своем родном Липецке.

Это не только в песне. Ведь слова песни об участниках ансамбля «Россиянка» писались, как говорится, с натуры, а это портреты самих исполнительниц. Галя Чулкова — отличный маляр,

Маша Толкачева — электросварщица, ударник коммунистического труда, Маша Зубова — бригадир комсомольско-молодежной бригады, Валя Свечникова — инженер-технолог...

Инструменты, на которых играют девушки, самые вроде бы нехитрые: деревянные ложки, свистульки, жалейки, свирели, рожки, колокольчики, бубенчики, трещотки, но научиться владеть ими не так-то просто. Учили же девушек этому и номера для ансамбля придумывали его руководители — Мария Павловна и Александр Михайлович Уваровы.

«Россиянка» для Уваровых — итог их 30-летней работы в Воронежском хоре,

Пение ансамбля и рассказ об инструментах вы услышите на звуковой странице.

экспедиции за песнями в самые отдаленные села центральных областей России, совершенствование инструментов, придумывание новых музыкальных композиций. Это — двадцать разных характеров исполнительниц, четыре года назад не умевших не только петь или играть на каком-нибудь инструменте, но и просто двигаться по сцене.

Им Уваровы передают свой многолетний опыт профессиональных певцов и музыкантов.

... Когда вы входите в небольшую квартиру Уваровых, вам кажется сначала, что вы попали в музей русских народных инструментов, потом — в мастерскую, где эти инструменты делают, и, наконец, — в композиторский рабочий кабинет. Ведь многие песни репертуара «Россиянки» Уваровы написали сами.

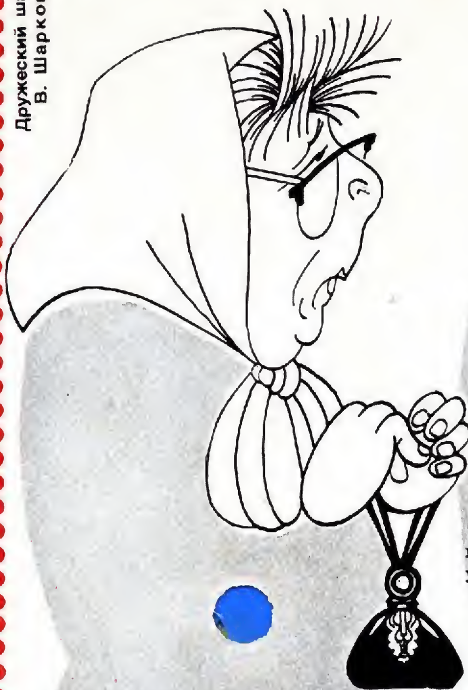
Часто бывает, что тяга, страсть к профессии зарождается рано и почти неосознанно. Из своего детства Александру Михайловичу особенно запомнилось: зимний вечер, длинный и тоскливый, дед за столом мастерит рожок: «Хочу такой сделать, внучек, чтобы сам играл, как только к нему прикоснешься». Пройдет много-много лет, и внук сделает такой инструмент.

В семье же Марии Павловны Уваровой все были знатные песенницы: и мать, и сестры, и вся родня. С детства Маша знала, что одна и та же народная песня может исполняться по-разному даже в рядом расположенных деревнях. Это зависит и от характеров исполнителей, и от обстановки, и от настроения. Допустим, у них в Нижнем Кисляе песня о доле крестьянской, «долевая», как ее называли, протяжно пелась, а в соседней деревне эта же песня исполнялась в плясовом ритме.

— Мы очень рады, что участники ансамбля с такой теплотой относятся к русской песне, музыке, — говорит Мария Павловна. — Хочется верить, что они и детям своим передадут эту любовь. Многие с детишками приходят на репетиции. Малыши сидят, слушают — не шелохнутся, ни одного концерта не пропускают, громче всех хлопают в ладоши и уже пробуют петь сами. Этому стоит отдать сердце.

Людмила ЯШИНА

г. Липецк

Дружеский шарж В. Шарковой

— Авдотья Никитична!.. Авдотья Никитична, у меня для вас есть очень неплохая новость...

— Спасибо, я «Лотосом» пользуюсь.

— Да нет, это не та «Новость». Та, которую я вам хочу сообщить, просто сногсшибательная.

— Тогда не надо.

— Ну почему же? Авдотья Никитична, почему же?

— Потому что я, когда падаю, я быстро засыпаю...

— Но это же в переносном смысле «сногсшибательная»...

— Я понимаю, что в переносном. А кто будет переносить? Ведь не ты же, Маврикиевна?

— Я никуда не собираюсь вас нести. Я просто хотела вас обрадовать. Вы же не знаете, что произошло... Нас с вами, Авдотья Никитична, будут записывать на пластинку.

— Куда? Куда записывать? Не надо меня никуда записывать. Я сегодня уже на прогревание записана.

— Но это же для «Кругозора». Как вы не понимаете? Нас запишут, а потом каждый, кто захочет, сможет нас прокрутить.

— Нет, она ненормальная... Да у меня в спокойном состоянии голова кружится, а тут еще кто-то будет меня крутить. И кому такая мысль в голову-то могла прийти?

По просьбам читателей

Пять лет назад Авдотья Никитична и Вероника Маврикиевна встречали Новый год в одной телевизионной компании и подружились, как они уверяют, навсегда. Но, несмотря на то, что возраст наших старушек не определен, и Борис Владимиров и Вадим Тонков в четыре голоса уверяют, что они (а кто «они» — это не принципиально) на здоровье не жалуются и собираются еще довольно долго радовать нас своим появлением то там, то сям.

Ярослав ХАРЕЧКО

На десятой звуковой странице — интермедия Аркадия Хайта «Между нами, женщинами».

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

Кругозор

2 (131) февраль 1975 г.

Год основания — 1964 г.

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИОВЕЩАНИЮ
1975 г.

На первой странице обложки:
Зимний спорт.
Художник
Г. Метченко

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным Домом радиовещания и звукозаписи

Сдано в набор 29/XII 1974 г.
Б05013. Подп. к печ. 8.1.1975 г.
Формат $60 \times 84^{1}/_{12}$
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500000 экз.
Зак. 4. Цена 1 руб.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24

Пишите нам по адресу:
113326, Москва, Пятницкая, 25, «Кругозор»

На протяжении истории человечество запоминает не так уж много музыки. «Болеро» Мориса Равеля может быть причислено к тем эмблемам симфонизма XX века, которые останутся в памяти. Чудо — в соединении простых, счастливо найденных тем с изысканнейшей инструментальной одеждой.

Первые наброски «Болеро» были сделаны в 1928 году в Сен-Жан де Люс — курортном городке на юге Франции. Там однажды Равель, «одетый в красный колпак и желтый халат» перед утренней ванной, впервые наиграл тему «Болеро» своему приятелю Гюставу Самазёй, сказав при этом: «Госпожа Рубинштейн попросила сочинить для нее балет. Не представляется ли вам навязчивой эта тема? Я попытаюсь снова и снова повторить ее, никак не развивая, используя наилучшим образом лишь клавиши оркестра».

Но, может быть, солнечные блики и лучики «Болеро» были различимы гораздо раньше, когда над колыбелью маленького Равеля звучали бакские колыбельные, которые певала ему мать?

Истоки ощущений и замысла существенны, но так или иначе здесь, в «Болеро», как и во всем мире равелевской музыки, ощутимо тяготение к чистоте контуров, к нервной точности ритма, к латинской ясности формы, к огненной настойчивости духа.

Что касается сценической версии произведения, то чередующиеся темы «Болеро» в сознании композитора первоначально ассоциировались с движением конвейера. Действие должно было, как ему представлялось, проходить под открытым небом, а рабочие и работницы, выходящие из заводского корпуса, вовлекались бы в общий танец. Получилось же в конце концов иначе, и вот как с почти энциклопедической краткостью описывает балет «Болеро» Сергей Прокофьев: «Испанская таверна, огромный круглый стол, освещенный висячей лампой. На столе и вокруг стола пляшут, ухаживают, ревнуют».

Случилось так, что на протяжении нескольких лет мне пришлось размышлять вслух о «Болеро» с несколькими людьми, судьбы которых в иные моменты были связаны с этим сочинением и его автором. Вот мозаика, сложенная из воспоминаний.

Летом 1973 года на Международный конкурс балета в Москву приезжала известная французская танцовщица и педагог Нина Тиканова, русская по происхождению. Тиканова принимала участие в первой постановке равелевского «Болеро» и рассказывала об этом так:

— Все это происходило в 1928 году в Париже. Тогда известной танцовщицей Идой Рубинштейн была организована новая балетная труппа, которая должна была конкурировать с дягилевской. Труппа была замечательная, с очень сильным составом. Самые выдающиеся композиторы Франции того времени — Сати, Мийо, Онеггер, Орик — стремились

быть в числе композиторов нового балетного театра. Написал для него свое «Болеро» и Морис Равель... Когда он приходил на репетиции, то часто садился за рояль. В театре же, на представлении балета, Равель становился за дирижерский пульт, и тогда танцорам приходилось трудно: темп все время менялся. Конечно, он был автор, композитор. Быть может, он полагал, что сегодня можно взять один темп, завтра другой? Но мы, танцоры, были в ужасе...

Когда я рассказал об этом французскому дирижеру Шарлю Брюку, он заметил:

— Странно. Удивительно. Я не видел премьеры «Болеро» в балете. Но я был на концертном исполнении «Болеро» в Гранд-Опера. Трижды памятном! Оркестр Оперы был великолепен. За пультом стоял Тосканини. Равель был в зале. Я был молод и охвачен порывом энтузиазма. Но, к полному моему изумлению, я узнал некоторое время спустя, что Морис Равель был разгневан трактовкой Тосканини. Тогда я не понимал почему. Теперь, мне кажется, угадываю. Как все великие сочинения, «Болеро» можно толковать по-разному. Равель хотел, чтобы темп не менялся. Он хотел объективного исполнения, лишенного исполнительского привкуса. Он хотел, чтобы «Болеро» было танцем не экстатическим, а танцем-заклинанием, подобно ритуальным танцам Африки. У некоторых племен есть танцы с одной-единственной мелодией, которая идет в одном темпе. Это эффект не экстаза, а галлюцинации. Но в тот вечер Равель уехал рассерженным, потому что произошло нечто противоположное тому, что он хотел. Тосканини начал медленно и мало-помалу ускорял темп. Это было даже не совсем заметно. Ускорение на фоне крещендо. Незаметное ускорение, подобное тому, которое производит бегун на середине дистанции. Но Равель сразу заметил это. Он заметил, что публика приходит в экстаз, а не подвергается гипнозу. «Болеро» — страшная вещь для музыкантов. У каждого очень трудное соло. Дирижер должен ободрить их и в то же время помочь им сконцентрироваться. «Болеро» — это чудо оркестровки.

И мне вспомнилось еще одно размышление по поводу «Болеро» и его красок, принадлежащее композитору Филиппу Жерару, учившемуся у Равеля:

— Однажды, проходя мимо его комнаты, я заметил, что там был бар. Настоящий! Металлический! Мне это показалось странным. Потом я забыл об этом. В сорок третьем году, после бегства из гестаповской тюрьмы в Швейцарию, я встретил там Стравинского. Он знал, что я работал с Равелем, и однажды сказал: «Пойдем, я покажу тебе кое-что». Дело было в Женеве, он привел меня в старый город, мы зашли в крошечный бар, сели у стойки. Стравинский подал какой-то знак бармену, через полчаса он возвратился с двумя бокалами жидкости, потрясающей по цвету — красному цвету испанских примитивистов, который потом, как известно, никогда не повторился в живописи. Это был коктейль. Я попробовал. Вкус был таким же необычным, как и цвет. Крепкий. Стойкий аромат, терпкий привкус — все грани испанского характера. Мне сказали, что коктейль «Болеро» был создан самим Равелем, оказывается, великим мастером этого дела. И мы со Стравинским немедленно заговорили о равелевской манере оркестровки. Равель вводил чуть-чуть бас кларнета, добавлял две ноты арфы, арпеджио маленькой флейты. И все это при удивительном чувстве зрительного и слухового равновесия — внутренней гармонии, свойственной гению...

Артем ГАЛЬПЕРИН

СТРАНИЦЫ КЛАССИКИ

ЭТО ГИПНОТИЧЕСКОЕ „БОЛЕРО"

По просьбам читателей

На шестой звуковой странице
Шарль Брюк и Нина Тиканова
встречают вас у дверей концертного зала и балетной сцены и знакомят с равелевским шедевром, раскрывая два лика его — хореографическую фреску и симфоническую партитуру. Это два как бы пересекающихся репортажа из «Болеро»...

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Италия

12

Взрыв студенческого движения в Западной Европе конца 60-х годов ознаменовался созданием нового молодежного искусства. Оно объявлялось уделом любителей, пришедших прямо из гущи жизни и борьбы. Новое содержание, напряженные попытки разрешить острейшие проблемы современности делали второстепенными заботы о художественности формы. Это не должно показаться осуждением, ибо в таком искусстве опасность дилетантства ничуть не страшнее академичности и приглаженности признанных профессионалов.

Самый интересный среди бардов этой волны в Италии—Фабрицио де Андрэ, учитель из Генуи. Сначала он пел для себя и своих друзей, но постепенно его песни проникают в среду демократической молодежи и становятся особенно популярными у студенчества. Этому не мешало, а может быть, даже способствовало то, что творчество де Андрэ не рекламировала ни буржуазная печать, ни телевидение, ни радио.

Откуда же идет излюбленный де Андрэ жанр песни-баллады? Не подсказан ли он родным городом певца—портовой Генуей? Или дело здесь в обращении к французской песенной традиции, особенно к Жоржу Брассенсу?

Изменчивость всего земного—внутренний посыл его творчества. И даже любовь, которой посвящено большинство песен генуэзского музыканта, покорна общему закону. Таковы «Любовь, ты приходишь и уходишь» и «Баллада о слепой любви или о тщете», записанные на звуковой странице «Кругозора». Вот содержание второй песни. В доказательство любви жестокая женщина потребовала от влюбленного сначала сердце его матери, а потом его жизнь. И он принес сердце, и вскрыл себе вены, и умер, но...—поет де Андрэ—умер влюбленным и счастливым, а у нее не осталось ни его самого, ни его чувства...

В. УВАРОВ